

УДК 321+323.1+ 94

Стоянович М.¹

**ВОЙНА И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИДЕНТИТЕТ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И
РОЛЬ НАСИЛИЯ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИИ**

Тульский государственный университет

Stojanovic Milan

**WAR AND NATIONAL IDENTITY: THEORETICAL ASPECTS AND THE ROLE OF
VIOLENCE IN NATION FORMATION**

Tula State University

Аннотация: В статье анализируется взаимосвязь между войной, насилием и формированием национального идентитета. Рассматриваются ключевые теоретические подходы к определению нации, национального идентитета и национализма – примордиализм, перениализм, этно-символизм и модернизм. Особое внимание уделяется роли вооружённых конфликтов как одного из наиболее мощных факторов консолидации этнических и национальных общностей.

Автор приходит к выводу, что война и насилие не только разрушают, но и создают – они создают коллективную память, мифологию, границы между «своими» и «чужими», а также выступают ключевым элементом в процессе национальной мобилизации и укрепления идентичности.

Ключевые слова: нация, национальный идентитет, национализм, война, насилие, примордиализм, модернизм, этно-символизм, коллективная память.

Abstract: The article analyzes the relationship between war, violence, and the formation of national identity. Key theoretical approaches to the definition of nation, national identity, and nationalism – primordialism, perennialism, ethnosymbolism, and modernism – are examined. Special attention is paid to the role of armed conflicts as one of the most powerful factors in the consolidation of ethnic and national communities.

The author concludes that war and violence not only destroy but also create – they generate collective memory, mythology, boundaries between “us” and “them”, and act as a key element in the process of national mobilization and identity reinforcement.

Keywords: nation, national identity, nationalism, war, violence, primordialism, modernism, ethnosymbolism, collective memory.

¹ Стоянович Милан - ассистент кафедры «История государства и права» института права и управления ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет». e-mail: legendanish@yandex.com

1. Введение

Одной из наиболее значимых социальных функций войны и насилия является их роль в афирмации – утверждении и укреплении – как личного, так и коллективного национального идентитета. Как отмечает Ф. Уилмер, наиболее мощное влияние войны на индивида и общество лежит в её способности создавать коллективный идентитет – как в позитивных терминах (то, что мы есть), так и в негативных (то, чем мы не являемся). Потенциал индивидов разделять мир на «добрых» (героев) и «злых» (врагов) наиболее эффективно реализуется через военную риторику, в которой позитивная и негативная идентификация с «другими» меняет границы группы, создавая констелляцию идентитета (Wilmer, 1997).

Бет Денич подчёркивает, что военные преступления создают особо мощную сокровищницу вытесненных и подавленных воспоминаний, которые сохраняются как реликвии особого рода – вне и внутри границ публично дозволенного дискурса (Denich, 1994, стр. 367-390). Насилие часто оказывается самой сильной силой, стоящей за процессами создания, развития и оформления национального идентитета, а война – вероятно, наиболее эффективным способом с помощью крови и страдания вызвать изменения, которые неизгладимо врезаются в коллективную память.

2. Война и угроза как катализаторы идентичности

Любая угроза физическому выживанию и идентитету этнической или национальной группы ведёт к мобилизации внутри сообщества и тесной связи его членов. В рамках такой общины развиваются сильные противоречивые эмоции: анимозитет и сопротивление по отношению к врагу, а также близость и солидарность с другими членами группы. Помимо непосредственного влияния, которое насилие и война оказывают на индивидов и их общества, их связь с историей и культурой также весьма значима (Denich, 1994; Wilmer, 1997).

В периоды политических кризисов и вооружённых конфликтов возрастает влияние всех тех факторов, которые обычно действуют как кохезивные для национальных общностей: религия, культура, традиция, историческое прошлое, мифы и легенды. Война – это феномен, играющий ключевую роль в истории большинства наций и национальных государств, а также в таких элементах их идентитета, как культура, традиция, мифы и легенды. «Материал», из которого сотканы нации, в значительной мере создан многочисленными историческими и современными войнами за оборону, освобождение, независимость и свободу. На протяжении всей человеческой истории война как создавала, так и уничтожала этнические и национальные общности, государства и целые цивилизации.

Многие некогда могущественные страны и культуры исчезли в военном вихре, но и многие «новые» народы возникли именно из него. Война, следовательно, часто выступает двигателем строительства наций в той же мере, в какой она прямо участвует в их деструкции (Gellner, 1983; Smith, 1991).

3. Понятие нации: между объективным и субъективным

Нация представляет собой сложное понятие, обозначающее общность, основанную прежде всего на этнических и политических основаниях. Современный концепт нации обычно связывают с Французской революцией и возникновением современного национального государства, хотя некоторые теоретики полагают, что национальные общности в некоторой форме так же стары, как и сама человеческая цивилизация (Armstrong, 1982; Smith, 1999). В отличие от таких категорий, как раса или государственность, нация является комплексной общностью, которую одновременно составляют физические и метафизические, объективные и субъективные элементы.

Нацию лучше всего определять как общность, одновременно этническую и политическую, состоящую из субъективных и объективных (реальных) компонентов. Как этническая общность, она основана на наборе общих характеристик, включающих происхождение, территорию, язык и культуру. Однако особый идентитет, определяющий этническую группу, лишь частично определяет нацию, поскольку нация также должна обладать политическим сознанием. Другими словами, в то время как этническим группам недостаёт политического сознания, нации всегда способны политически формулировать свои aspirations и осознают уникальность своей общности (Connor, 1994, стр. 100-103; Moore, 2000). Этнические группы представляют собой «пред-национальные общности» или потенциальные нации, но не нации *per se*.

В современном обществе именно политико-культурный характер определяет ту или иную нацию и её место, и роль по отношению к другим. Как подчёркивает Эдгар Морен, национальная общность – это общество в своих интересах, конкурентных, сопернических связях, связях амбиций, социальных и политических конфликтов, но одновременно это и общность идентитета, общность взглядов и общность реакций по отношению к чужаку, особенно к врагу. Характер нации – прежде всего культурно-исторический. Она культурна по общим ценностям, обычаям, ритуалам, нормам и верованиям, и исторична по невзгодам и испытаниям, через которые прошла с течением времени, что, собственно, и делает её общностью судьбы (Морен, 2002, стр. 109-110). Общая история передаётся из поколения в поколение внутри семьи в виде песен, музыки, танцев, поэзии и книг, а затем школа интегрирует национальное прошлое в дух детей, где оживают страдания, беды, победы и

слава национальной истории, мученики и героические дела. Такое отождествление прошлого с самим собой и есть общность судьбы (Морен, 2002, стр. 110).

Благодаря тому, что в анализе этого феномена часто настаивают на примате духовных, культурных элементов, некоторые теоретики определяют нацию как сущностно субъективный концепт, социальную конструкцию из культурных артефактов и национальных чувств. Согласно определению Бенедикта Андерсона, нация представляет собой «воображаемую политическую общность», которая является ингерентно ограниченной и суверенной. Нация воображаема потому, что, независимо от размера национальной группы, её члены никогда не узнают большинства других членов той же общины. Она одновременно мыслится как ограниченная, поскольку все нации имеют конечные границы, за которыми находятся другие национальные общины, и как суверенная, учитывая, что идеал всех наций – свобода и собственное национальное государство (Anderson, 1991).

4. Национальный идентитет и национальное государство

Нации всегда обладают высоким уровнем социальной солидарности и национального сознания, общей историей и сложным чувством идентитета. Все они имеют некую социально подтверждённую повесть о своём народе, представленную в устных или музыкальных преданиях, исторических учебниках и других публично доступных источниках (Hechter, 2000). Их общий идентитет включает риторику о неделимости, суверенитете или аспирации к суверенитету, политической легитимности, общем языке, культуре, происхождении и особом отношении к определённой территории, которая считается родиной. Это общая часть утверждений, которые намечают общий идентитет, обычно описываемый как национальный (Calhoun, 1997).

Понятие идентитета как социологического концепта представляет собой связь между индивидом и определённой категорией или группой. Процесс построения идентитета – это процесс классификации и связывания индивида с кем-то или чем-то другим, поскольку идентитет основан на одновременном восприятии сходств и различий (Jenkins, 1996, стр. 3-4). На индивидуальном уровне идентитет всегда многослоен – каждый человек одновременно принадлежит определённому числу категорий и групп людей на основе своего пола, этничитета, гражданства, религиозной принадлежности и других характеристик. В случаях, когда определённая категория становится основой формирования группы, идентитет становится прежде всего социальной связью между индивидом и общностью – как в случае с этнической и национальной принадлежностью.

Идея нации неразрывно связана с концептом национального государства. В

большинстве случаев национальные общности разделяют аспирацию и желание получить или сохранить собственное государство, а целью и идеалом любого националистического движения и идеологии является национальное государство – территориально-политическая единица, границы которой совпадают или приблизительно совпадают с территориальной дистрибуцией национальной группы. Нация, национальный идентитет и государство взаимосвязаны и взаимообусловлены множеством комплексных способов. Как нации нужно государство, чтобы развиваться, укрепляться и защищаться от различных политических давлений, так и само государство играет важную роль в создании и развитии национального идентитета своего населения. Большинство национальных идеологов придерживаются теории, согласно которой социальные и культурные границы должны быть недвусмысленными, чётко очерченными и бинарными, откуда, среди прочего, следует, что они должны совпадать с пространственными, политическими границами (Eriksen, 1993, стр. 114).

Чтобы современное национальное государство функционировало беспрепятственно, ему необходимо некоторое «упрощение» сложной этнической реальности – создание конкретных, недвусмысленных национальных идентитетов, из которых проистекает категоризация на членов «нашей» и «других» наций, а из этого – усиление чувства принадлежности и связи с государством и его институтами (Gellner, 1983; Scott, 1995). В некоторых случаях эти упрощения не являются верным отражением реальности, но, поскольку за ними стоит государственная власть, они способны менять реальный мир, делая его более похожим на упрощённую и легко понимаемую модель (Scott, 1995). Как замечает К. Вердери, «тот тип последовательной личности, которая “имеет идентитет”, является продуктом специфического исторического процесса: возникновения современного национального государства» (Verdery, 1994, стр. 37). На примере распада Югославии она показывает, что в государствах, возникших после распада, лица смешанного происхождения – те, кто когда-то объявляли себя югославами, – были вынуждены выбрать единственный идентитет. «Этническая чистка» означает не только истребление членов «другой» группы: она означает также искоренение альтернативных выборов идентитета (Verdery, 1994, стр. 38).

5. Национализм как идеология

Одним из наиболее значимых современных социальных феноменов, проистекающих из концепта нации, является идеология национализма, без которой национальные общности не имели бы ни политического сознания, ни способа действия – иначе говоря, без неё нации свелись бы к уровню этнических групп.

Национализм представляет собой комплексный политический и социальный феномен, мощную комбинацию идеологии, чувства и принципов, которая возвышается над политическими и государственными границами в своём намерении защитить групповой культурный идентитет и обеспечить выживание своей ключевой компоненты – нации. Огромная и впечатляющая мощь национализма может быть как позитивной и объединяющей, так и деструктивной и дестабилизирующей одновременно, в зависимости от того, с какой стороны на него смотреть и с учётом часто противоположных интересов разных национальных групп (Hutchinson & Smith, 1994, стр. 3). По словам Энтони Смита, национализм – это больше, чем политический стиль и доктрина; это форма культуры – идеология, мифология, символизм и сознание – которая достигла глобального влияния, тогда как нация – это тип идентитета, смысл и приоритет которого предполагаются этой формой культуры (Smith, 1991, стр. 91-92). Национальный идентитет придаёт индивидам смысл и сущность, помогая им справляться с часто противоречивыми чувствами и опытом повседневной жизни. Национальная принадлежность – это основной способ создания общности и порядка из того, что иначе было бы хаосом (Eliade, 1954).

Как подчёркивает Бриулли, национализм – это политическая доктрина, построенная на трёх основных утверждениях: (1) существует нация с особым и ярко выраженным характером; (2) интересы и ценности нации имеют приоритет над всеми другими интересами и ценностями; (3) нация должна быть насколько возможно более независимой, что обычно требует достижения по крайней мере политического суверенитета (Breuille, 1983, стр. 2). Мощь национализма в значительной мере проистекает из того, что эта идеология предоставляет членам определённой нации исторических героев, мифы о происхождении, видения единства и безопасности идентитета (Ignatieff, 1993). Она удовлетворяет одну из основных человеческих потребностей – потребность в безопасности.

Вместе с антагонистическими чувствами к членам «вражеских» наций, одна из основных проблем, проистекающих из националистической идеологии, – это её идея о необходимости высшей степени политического суверенитета. Мечта националистов о создании собственного национального государства часто подстёгивает дезинтеграцию уже существующих национальных государств, что, вероятно, и представляет собой наиболее проблематичный вопрос, связанный с национализмом. Желание нации иметь своё государство естественно; как утверждается в «Четырнадцати пунктах» Вудро Вильсона, право каждой нации – быть господином своей собственной судьбы, править собой и иметь свою национальную территорию. Однако этот концепт ставит многие существующие многоэтнические государства в рискованную ситуацию, поскольку расчленение

международно признанных государств редко возможно без конфликта и насилия (Kegley & Wittkopf, 2004, стр. 419; Caspary, 1993).

Феномены нации, национального идентитета и национализма являются предметом исследования нескольких теоретических подходов, которые сильно различаются в своих взглядах на происхождение, временную протяжённость, необходимость существования, основные характеристики, а также на общее позитивное или негативное влияние этих феноменов на человеческое общество. Главные теоретические парадигмы – примордиализм, перениализм, этно-символизм и модернизм (Smith, 2001). Наибольшие различия наблюдаются между примордиализмом/перениализмом, с одной стороны, и модернизмом – с другой.

Примордиализм и перениализм подходят к изучению наций с исторической точки зрения, подчёркивая исконные корни современных национальных общностей. Их основной тезис: историю современных национальных государств и идеологий не следует смешивать с историей наций как таковых – первые являются относительно современными феноменами, вторые же старые, как и само человеческое общество (Armstrong, 1982; Smith, 1999). Перениализм акцентирует социальную эволюцию и фазы развития, тогда как примордиализм обращает особое внимание на «исконные» связи, основанные на языке, религии, расе, этническом и территориальном, и утверждает, что нации являются естественными историческими целостностями и интегральными элементами человеческого опыта (Geertz, 1973). Примордиалисты часто в некоторой степени приравнивают концепты нации и этнической общности, подчёркивая абсолютный примат этничности и этнических связей в создании современных национальных общностей. Как подчёркивает Энтони Смит, нации основаны на обязательствах и общих верованиях; они разделяют память и обладают континуитетом, участвуют в общих активностях и обычно связаны с определённой территорией, даже если не населяют её. Нация может быть определена как «человеческая общность с определённым именем, связанная со своей родиной, обладающая общими мифами о происхождении, памяти, одним или более элементами общей культуры и определённым уровнем солидарности, по крайней мере среди элит» (Smith, 2001, стр. 12-13).

С другой стороны, модернистская теория исходит из посылки, что до 1800 года в большинстве случаев этнические идентитеты существовали исключительно на локальном уровне. Национальный идентитет и единство были навязаны сверху вниз европейскими государствами, поскольку они были необходимы для модернизации экономики и общества. Маргинализация естественности и силы этнических связей и различий – одна из главных характеристик модернизма. Согласно Эрнесту Гелльнеру, нации, национальный идентитет,

национальное государство и национализм представляют собой продукты современной, индустриалистической эпохи, появившиеся в период модернизации. Гелльнер подчёркивает, что нация – это недавний феномен, корни которого уходят во Французскую революцию; нации и национализм – продукты модернизма и всех процессов, на которых в последние четыре века создавалось современное западное общество, включая капитализм, индустриализм, секуляризацию и создание бюрократического государственного аппарата (Gellner, 1983, стр. 1-6; Smith, 1996).

Представители модернизма часто отрицают неизбежность существования наций и национальных государств. Гелльнер отмечает, что нации не являются естественным атрибутом человечества – они были со временем приняты как таковые. Нации и государства – одна из возможностей, но не универсальная необходимость; они не существовали во все временные периоды и обстоятельствах, и они не зависят друг от друга (Gellner, 1983, стр. 6). Национализм как идеология исходит из предположения, что нации и государства судьбоносно предопределены друг для друга, но их возникновение было независимым одно от другого.

Этно-символизм Энтони Смита представляет собой в определённой мере синтез модернистских и традиционалистских взглядов, хотя в основе опирается на культурно-исторические, традиционные элементы. Эта теория подчёркивает существование «этнической сердцевины» в современных нациях, а также значение памяти, ценностей, эмоций, мифов и символов для национального идентитета, но не исключает и объективные факторы. Предпосылки для формирования нации по Смицу включают: родину (существующую или историческую), высокую степень автономии, враждебное окружение, памяти о битвах, святилища, язык и рукописи, особые обычаи, исторические записи и мысли (Smith, 1991; 1999). Эти предпосылки могут создать мощную общую мифологию, причём мифическая родина в реальности становится более значимой для национального идентитета, чем существующая территория, на которой населена национальная общность.

7. Заключение

Проведённый теоретический анализ показывает, что война и насилие играют ключевую роль в формировании, развитии и укреплении национального идентитета. Вооружённые конфликты создают коллективные памяти, мифологию, символы и границы между «своими» и «чужими», служат мощнейшим катализатором национальной мобилизации. Независимо от того, какой теоретический подход – примордиалистский или модернистский – мы принимаем, очевидно, что угроза физическому существованию группы и её идентитету ведёт к сплочению, росту солидарности и усилению значимости таких

культурных маркеров, как религия, язык, традиция.

Национализм, как идеология и политическое движение, остаётся одним из самых влиятельных факторов современной мировой политики. Вопреки ожиданиям некоторых теоретиков 1960–1970-х годов о снижении роли этничности и религии, конец XX века принёс глобальный национальный и религиозный ренессанс, что подтверждается нестабильностью в мультикультурных обществах и ростом сепаратистских движений (Кецмановић, 2005, стр. 208-209). Понимание сложной природы нации, идентитета и национализма необходимо для анализа современных этнополитических конфликтов, включая постъюгославское пространство. Война остаётся одним из наиболее эффективных, хотя и разрушительных, механизмов создания и воспроизводства национальных идентитетов – механизмом, который, как показывает история, способен как уничтожать, так и созидать нации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. — London: Verso, 1991. — 224 с.
2. Анђелић Н. Босна и Херцеговина – Између Тита и рата. — Београд: Самиздат, 2003. — 320 с.
3. Armstrong J. Nations Before Nationalism. — Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982. — 411 p.
4. Bodansky Y. Offensive in the Balkans – The Potential for a Wider War as a Result of a Foreign Intervention in Bosnia and Herzegovina. — The International Strategic Studies Association, [б. г.]. — URL: Balkania.net (дата обращения: ...).
5. Breuilly J. Nationalism and the State. — Manchester: Manchester University Press, 1983. — 421 p.
6. Calhoun C. Nationalism. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997. — 164 p.
7. Caspary W. New Psychoanalytic Perspectives on the Causes of War // Political Psychology. — 1993. — Vol. 14. — P. 417–446.
8. Connor W. Ethnonationalism: The Quest for Understanding. — Princeton: Princeton University Press, 1994. — 234 p.
9. Dempsey G. T. Rethinking the Dayton Agreement // Policy Analysis. — 1998. — No. 327. — The Cato Institute, 14.12.1998.
10. Denich B. Dismembering Yugoslavia: Nationalist Ideologies and the Symbolic Revival of Genocide // American Ethnologist. — 1994. — Vol. 21, No. 2. — P. 367–390.

11. Eliade M. *The Myth of the Eternal Return: Cosmos and History*. — London: Penguin, 1954. — 195 p.
12. Eriksen T. H. *Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives*. — London: Pluto Press, 1993. — 179 p.
13. Geertz C. *The Interpretation of Cultures*. — New York: Basic Books, 1973. — 470 p.
14. Gellner E. *Nations and Nationalism*. — Oxford: Blackwell, 1983. — 150 p.
- Hechter M. *Containing Nationalism*. — Oxford: Oxford University Press, 2000. — 224 p.
15. Hutchinson J., Smith A. D. *Nationalism*. — Oxford: Oxford University Press, 1994. — 378 p.
16. Ignatieff M. *Blood and Belonging: Journeys into the New Nationalism*. — New York: Farrar, Straus and Giroux, 1993. — 201 p.
17. Jenkins R. *Social Identity*. — London: Routledge, 1996. — 206 p.
18. Касаповић М. Босна и Херцеговина: Подијељено друштво и нестабилна држава. — Загреб: Политичка култура, 2005. — 280 с.
19. Кеџмановић Н. Домети демократије. — Београд: Факултет политичких наука (ФПН), 2005. — 312 с.
20. Кеџмановић Н. Неизвјесна држава // Република Српска – Десет година Дејтонског мировног споразума. — Бања Лука: Академија наука и умјетности Републике Српске, 2005. — С. 234–239.
21. Кеџмановић Н. Немогућа држава – Босна и Херцеговина. — Београд: Филип Вишњић, 2007. — 336 с.
22. Кесић О. Десет година након Дејтона – Босна и Херцеговина на раскрсници // Република Српска – Десет година Дејтонског мировног споразума. — Бања Лука: Академија наука и умјетности Републике Српске, 2005. — С. 330–335.
23. Kegley Ch. W., Wittkopf E. R. *World Politics – Trend & Transformation*. — Thomson – Wadsworth, 2004. — 688 p.
24. MacGregor D. *The Professional Manager*. — New York: McGraw-Hill, 1960. — 203 p.
25. Moore M. *Ethics of Nationalism*. — Oxford: Oxford University Press, 2000. — 266 p.
26. Морен Е. Национална држава // Теорија Политике – Ридер. — Београд: Наука и друштво, 2002. — С. 105–130.
27. Rosenfeld S. *Residue of Ethnic Cleansing* // *Washington Post*. — 1995. — 1 December. — P. A27.
28. Scott J. *State simplifications: Nature, space and people. Great development disasters* // *Sixth Werheim Lecture*. — Amsterdam: CASA, 1995.

29. Smith A. D. *Theories of Nationalism*. — London: Duckworth, 1971. — 220 p.
30. Smith A. D. *National Identity*. — London: Penguin, 1991. — 227 p.
31. Smith A. D. *Memory and Modernity: Reflections on Ernest Gellner's Theory of Nationalism // Nations and Nationalism*. — 1996. — Vol. 2, No. 3. — P. 371–388.
32. Smith A. D. *The Ethnic Origins of Nations*. — Oxford: Blackwell Publishers, 1999. — 320 p.
33. Smith A. D. *Nationalism*. — Cambridge: Polity Press, 2001. — 186 p.
34. Становчић В. Политичке идеје и религија. — 2. допуњено изд. — Београд: Удружење за политичке науке и Чигоја штампа, 2003. — 298 с.
35. Verdery K. *Ethnicity, Nationalism and State Making. 'Ethnic Groups and Boundaries: Past and Future' // The Anthropology of Ethnicity: Beyond "Ethnic Groups and Boundaries" / H. Vermeulen, C. Govers (eds.)*. — Amsterdam: Het Spinhuis, 1994. — P. 33–58.
36. Wilmer F. *Identity, culture and historicity: the social construction of ethnicity in the Balkans // World Affairs*. — 1997. — 22 June.

REFERENCES (transliteration from Russian to English)

1. Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostraneniі nacionalizma / per. s angl.* — London: Verso, 1991. — 224 s.
2. Anđeliћ N. *Bosna i Hercegovina – Izmeђu Tita i rata*. — Beograd: Samizdat, 2003. — 320 s.
3. Armstrong J. *Nations Before Nationalism*. — Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982. — 411 p.
4. Bodansky Y. *Offensive in the Balkans – The Potential for a Wider War as a Result of a Foreign Intervention in Bosnia and Herzegovina*. — The International Strategic Studies Association, [b. g.]. — URL: Balkania.net (data obrashcheniya: ...).
5. Breuilly J. *Nationalism and the State*. — Manchester: Manchester University Press, 1983. — 421 p.
6. Calhoun C. *Nationalism*. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997. — 164 p.
7. Caspary W. *New Psychoanalytic Perspectives on the Causes of War // Political Psychology*. — 1993. — Vol. 14. — P. 417–446.
8. Connor W. *Ethnonationalism: The Quest for Understanding*. — Princeton: Princeton University Press, 1994. — 234 p.
9. Dempsey G. T. *Rethinking the Dayton Agreement // Policy Analysis*. — 1998. — No. 327. — The Cato Institute, 14.12.1998.

10. Denich B. Dismembering Yugoslavia: Nationalist Ideologies and the Symbolic Revival of Genocide // *American Ethnologist*. — 1994. — Vol. 21, No. 2. — P. 367–390.
11. Eliade M. *The Myth of the Eternal Return: Cosmos and History*. — London: Penguin, 1954. — 195 p.
12. Eriksen T. H. *Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives*. — London: Pluto Press, 1993. — 179 p.
13. Geertz C. *The Interpretation of Cultures*. — New York: Basic Books, 1973. — 470 p.
14. Gellner E. *Nations and Nationalism*. — Oxford: Blackwell, 1983. — 150 p.
- Hechter M. *Containing Nationalism*. — Oxford: Oxford University Press, 2000. — 224 p.
15. Hutchinson J., Smith A. D. *Nationalism*. — Oxford: Oxford University Press, 1994. — 378 p.
16. Ignatieff M. *Blood and Belonging: Journeys into the New Nationalism*. — New York: Farrar, Straus and Giroux, 1993. — 201 p.
17. Jenkins R. *Social Identity*. — London: Routledge, 1996. — 206 p.
18. Kasapović M. *Bosna i Hercegovina: Podijeljeno drushtvo i nestabilna država*. — Zagreb: Politichka kultura, 2005. — 280 s.
19. Kecmanović N. *Dometi demokratije*. — Beograd: Fakultet politichkih nauka (FPN), 2005. — 312 s.
20. Kecmanović N. *Neizvjesna država // Republika Srpska – Deset godina Dejtonskog mirovnog sporazuma*. — Вања Лука: Akademija nauka i umjetnosti Republike Srpske, 2005. — S. 234–239.
21. Kecmanović N. *Nemoguća država – Bosna i Hercegovina*. — Beograd: Filip Višnjić, 2007. — 336 s.
22. Kesih O. *Deset godina nakon Dejtona – Bosna i Hercegovina na raskrsnici // Republika Srpska – Deset godina Dejtonskog mirovnog sporazuma*. — Вања Лука: Akademija nauka i umjetnosti Republike Srpske, 2005. — S. 330–335.
23. Kegley Ch. W., Wittkopf E. R. *World Politics – Trend & Transformation*. — Thomson – Wadsworth, 2004. — 688 p.
24. MacGregor D. *The Professional Manager*. — New York: McGraw-Hill, 1960. — 203 p.
25. Moore M. *Ethics of Nationalism*. — Oxford: Oxford University Press, 2000. — 266 p.
26. Moren E. *Nacionalna država // Teorija Politike – Rider*. — Beograd: Nauka i drushtvo, 2002. — S. 105–130.
27. Rosenfeld S. *Residue of Ethnic Cleansing // Washington Post*. — 1995. — 1 December. — P. A27.

-
28. Scott J. State simplifications: Nature, space and people. Great development disasters // Sixth Werheim Lecture. — Amsterdam: CASA, 1995.
29. Smith A. D. Theories of Nationalism. — London: Duckworth, 1971. — 220 p.
30. Smith A. D. National Identity. — London: Penguin, 1991. — 227 p.
31. Smith A. D. Memory and Modernity: Reflections on Ernest Gellner's Theory of Nationalism // Nations and Nationalism. — 1996. — Vol. 2, No. 3. — P. 371–388.
32. Smith A. D. The Ethnic Origins of Nations. — Oxford: Blackwell Publishers, 1999. — 320 p.
33. Smith A. D. Nationalism. — Cambridge: Polity Press, 2001. — 186 p.
34. Stanovčih V. Politichke ideje i religija. — 2. dopuneno izd. — Beograd: Udruženje za politichke nauke i Chigoja shtampa, 2003. — 298 s.
35. Verdery K. Ethnicity, Nationalism and State Making. 'Ethnic Groups and Boundaries: Past and Future' // The Anthropology of Ethnicity: Beyond "Ethnic Groups and Boundaries" / H. Vermeulen, C. Govers (eds.). — Amsterdam: Het Spinhuis, 1994. — P. 33–58.
36. Wilmer F. Identity, culture and historicity: the social construction of ethnicity in the Balkans // World Affairs. — 1997. — 22 June.

Рецензент: Самарцева Е.И. – доктор ист. наук, проф., ученый секретарь ФГБУК «Тульский государственный музей оружия», проф. ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет».